

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030078

Мир вне шахмат в «Шахматах любви» (1475): фразеологические профили участников поэмы-игры

© 2024 г. В. Б. Семёнов

Кандидат филологических наук,
доцент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
vadsemionov@mail.ru

Резюме. В статье представлено пилотное исследование валенсийской игровой поэмы «Шахматы любви» (1475), строфы которой и схемы ходов реальной шахматной партии запараллелены, так как три поэта сочиняли ее текст одновременно с тем, как двое из них (Франси де Кастельви-и-Вик и Нарсис Виньоля) играли, а третий (священник Фенольяр) судил указанную партию и определял для нее новые правила игры. Главным новшеством партии оказалось то, что ферзь, эмблематически представивший могущество воспеваемой Изабеллы Кастильской, впервые ходил так, как ходит ныне. Предметом исследования является лексико-фразеологический строй памятника, а основным методом — статистический метод, с помощью которого определяется частотность выражения смысловых мотивов в речи каждого из трех соавторов, их тяготение к тем или иным художественным темам. В результате оказывается возможным описать прячущийся за языковыми формулами жизненный опыт и социокультурный кругозор поэтов. Категориальному исследованию речевого материала предпослана характеристика деятельности валенсийского поэтического кружка в последней четверти XV в.

Ключевые слова: Шахматы любви, речевой профиль, аллегория, октава, кансу, поэтическое состязание, Валенсийская сатирическая школа, Кастельви, Виньолес, священник Фенольяр.

Для цитирования: Семёнов В.Б. Мир вне шахмат в «Шахматах любви» (1475): фразеологические профили участников поэмы-игры // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 75–84. DOI: 10.31857/S1605788024030078

The World Outside of Chess in “Scachs d’Amor” (1475): Phraseological Profiles of the Participants in the Game Poem

© 2024 Vadim B. Semenov

Cand. Sci. (Philol.),
Associated professor at the Faculty of Philology
of the Lomonosov Moscow State University,
1 bld. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
vadsemionov@mail.ru

Abstract. The article presents a pilot study of the Valencian game poem “Scachs d’Amor” (1475), the stanzas of which and the patterns of moves of a real chess game are parallel, since three poets composed its text at the same time as two of them (Franci de Castellvi and Narcís Vinyoles) played, and the third (priest Fenollar) judged the indicated game and determined new rules for the game. The main innovation of the game was that the queen, emblematically representing the power of the glorified Isabella of Castile, moved for the first time as it moves now. The subject of the study is the lexical and phraseological structure of the monument, and the main method is the statistical method, which is used to determine the frequency of expression of semantic motives in the speech of each of the three co-authors, their attraction to certain artistic themes. As

a result, it becomes possible to describe the life experience and sociocultural interests of poets hidden behind linguistic formulas. The categorical study of speech material is preceded by a description of the activities of the Valencian poetic circle in the last quarter of the 15th century.

Key words: Scachs d'Amor, speech profile, allegory, octave, canso, poetry competition, Valencian satirical school, Castellvi, Vinyoles, Mossen Fenollar.

For citation: Semenov, V.B. *Mir vne shahmat v "Shahmatah lyubvi" (1475): frazeologicheskie profili uchastnikov poemy-igry* [The World Outside of Chess in "Scachs d'Amor" (1475): Phraseological Profiles of the Participants in the Game Poem]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 75–84. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030078

В октябре 1469 г. восемнадцатилетняя принцесса Изабелла, будущая королева Изабелла I Кастильская, презрев договор с действующим королем Энрике IV, вступила в брак с семнадцатилетним принцем Фердинандом, будущим королем Фердинандом II Арагонским, а в декабре 1474 г. после смерти Энрике, пользуясь условиями достигнутого годом ранее соглашения с ним, объявила себя королевой Кастилии и Леона — и вскоре это неожиданным образом изменило историю шахмат. Вторым триггером скорых изменений явилась конъюнкция Меркурия, Марса и Венеры, оказавшихся, согласно астрологической терминологии, «в одном доме» в июне 1475 г., и ее имели возможность наблюдать ученые мужи Валенсии.

В истории города, принадлежавшего тогда королевству Арагон и являвшегося его культурной столицей, это время называют «Золотым веком Валенсии». Среди горожан процветает тяга к науке и искусствам, на рубеже нового столетия будет открыт местный университет, совсем скоро местные банкиры окажутся основными инвесторами путешествия Колумба. И здесь 25 марта 1474 г. напечатана книга *“Les Obres o Trobes”* — «Труды и тропы» (в поздних переизданиях именуемая *“Les Trobes en Lahors de la Verge Maria”* — «Тропы в хвалу Деве Марии»), которую будут считать первой печатной книгой Испании [1, р. 94]. Эта книга, сохранившая сорок стихотворений на валенсийском языке, четыре на кастильском и одно на «тосканском» (так местные поэты называли итальянский язык), явилась результатом проведенного 11 февраля того же года в честь Богородицы очного поэтического состязания, которое придумал вице-король Королевства Валенсия Луис Деспуиг, а практически организовал секретарь состязания, священник и поэт Бернат Фенольяр, близко знакомый со всеми сколько-нибудь заметными городскими стихотворцами из аристократов и среднего сословия.

С этого дня различные формы художественного взаимодействия стали регулярны для большей

части тех, кто участвовал в состязании. Взаимодействие носило игровой характер и проявлялось в том, что несколько поэтов включались в создание единого текста, представляя разные стороны спора, но соблюдая общую строфическую форму, подобно тому, как это было в жанре *тенсу* у провансальских трубадуров. И иногда удачные результаты таких игр облекались в форму напечатанных книг. Так, в частности, случилось с *“Lo procés de les olives”* («Судилищем оливок»), опубликованном в 1497 г. Игру-спор о том, могут и должны ли старики любить юных девушек, начали Бернат Фенольяр и нотариус Жоан Морено, которые в виде последовательно сменяющихся реплик первого и ответов второго обязаны были придерживаться строфы с рифмовкой ABBACDDC и в ее первой половине использовать рифмы только на *-ura* и *-ar*, а во второй завершать строки последовательными словами *olives* ‘оливки’, *pinjol* ‘косточка’, *caragol* ‘улитка’ и *genives* ‘десны’ (последнее слово метонимически обозначало зубы; все четыре слова желательно было использовать в разных значениях). За длинным поэтическим текстом с такими сложными правилами формы последовало длинное стихотворение от Жауме Гасуля, а затем и не менее объемные опусы включившихся в игру Нарсиса Виньоля и Бальтасара Портеля. Кроме последнего (здесь представлено единственное известное его сочинение), все остальные были активными участниками валенсийского поэтического кружка (и поэтами, внесшими вклад в создание *“Les Obres o Trobes”*).

Этот кружок вслед за литературоведом-испанистом XIX в. Мануэлем Мила-и-Фонтанальсом местная критика по сей день именует «валенсийской сатирической школой», хотя такое определение терминологически неточно: во-первых, творчество городских поэтов этого периода не было сатирическим по направленности, но часто, в силу игрового характера, бывало ироническим по тону и бурлескным по жанровой форме (его скорее следовало бы обозначить «пародийным»);

во-вторых, этот кружок не мог быть школой — за отсутствием четко установленных для его членов общих правил и по причине различных жанровых и тематических тяготений тех, кого к данной «школе» приписывают.

И вообще, единого кружка не было, были две группы поэтов, часто встречавшихся друг с другом, но разделенных социально: поэты-аристократы встречались в доме Беренгера Меркадера и обменивались стихами, сложенными в основном на темы придворной жизни (все так или иначе были близки к Замку Валенсии, становившемуся резиденцией монарха Арагона, когда он прибывал в город) и отражающими тяготение этих стихотворцев к латинскому и кастильскому языкам; поэты из среднего сословия встречались друг с другом в доме Берната Фенольера, в поэзии, с одной стороны, они тяготели к рассуждениям по поводу реальных жизненных сценок и типичных людских характеров (поэтому об их творчестве порой говорят как о «реалистическом») и к игровому следованию изощренным формам той поэзии трубадуров, которая досталась в наследство книжникам Каталонии и Валенсии. Фенольер же был посетителем литературных встреч у Меркадера, в силу своего священнического сана он был связующим звеном между этими двумя группами. Вот почему иногда в коллективных играх участвовали представители и той, и другой. Фенольера можно по праву назвать организатором и вдохновителем литературной жизни Валенсии в последней четверти XV в. и начале XVI в.

Едва ли не самым интересным литературно-игровым действием этого периода оказалось создание в 1475 г., вскоре после упомянутой конъюнкции планет, истинного шедевра филигранной версификации [2, p. 187] — аллегорической поэмы “*Scachs d'Amor*” («Шахматы любви»). Ее авторами были аристократ Франси де Кастельви-и-Вик, зажиточный горожанин Нарсис Виньоля и все тот же священник Фенольер. Первейшей особенностью опубликованной поэмы оказалось то, что ее «сюжет» формально представлял описание полной шахматной партии, от начала и до мата, но, с одной стороны, ход шахматной партии преподносился в виде аллегории наземного сражения воспламененного любовью Марса с Венерой, чтобы покорить ее (очевидно, идея устроить сражение планет-божеств на шахматной доске была определена тем обстоятельством, что астрологическое понятие «дома» игроки связали с понятием шахматным: «домами» тогда назывались шахматные клетки), а с другой — сами особенности течения этой конкретной шахматной

партии были связаны с задачей аллегорического возвеличивания Изабеллы как новой королевы Кастилии. То есть поэма являла собой редчайший тип *двойной аллегории*. И поскольку игра троих валенсийцев заключалась одновременно и в создании поэмы, и в разыгрывании партии, текст опубликованного в том же году сочинения представлял собой и литературно-графический симбиоз: со стихотворными строфами, в которых каждый игрок рассказывал о своем ходе, были запараллелены нарисованные схемы с ходами.

Поэма состоит из 64 — по числу клеток на доске — больших строф в виде девятистиший, ритмико-синтаксическое членение которых показывает, что каждая составлена из следующих в ретроградном порядке: *катрена*, *терцета* и *куплета*. С учетом общей для всех рифмовки каждая строфа имеет вид ABAB|BAB|CC. Такая структура напоминает композиции строф трубадуров: сохранилось несколько песен в виде семистиший с рифмовкой ABABVAB и одна песня «последнего трубадура» Гираута Рикьера — ротруанж “*Si chans me pogues valensa...*” (1265), рифмовка строф которой точно соответствует рифмовке строф в «Шахматах Любви». Также, если бы не пятый стих девятистишия, можно было бы вспомнить о форме тосканской *октавы*, тем более что Нарсис Виньоля и был тем поклонником «тосканского» языка, который сочинил на нем тот единственный образец, что годом ранее вошел в “*Les Obres* o *Trobes*”.

Стихи памятника — одиннадцатисложники (возможно, еще одна аллюзия на тосканскую поэзию), которые разделены регулярной цезурой, занимающей место строго после четвертого слога (чтобы представить точно ритмику этой поэмы, нужно вспомнить звучание пушкинской строки «Иначе стих | то в яме, то на кочке...» из «Домика в Коломне», описывающей как раз неприятное для слуха отсутствие «цезуры на второй стопе», т.е. после четвертого слога). Последнее, что осталось заметить относительно строф, — это то, что они были *цепными* по причине обязательного соответствия финальным рифмам каждой начальной пары рифм следующей строфы: ABABVABCC-CDCDDCDEE-EFEFFFEFGG... и т.д.

Вся композиция поэмы выглядела так: сперва следовали три вводных строфы (двух соперников, Кастельви и Виньолеса, и их арбитра, которым оказался Фенольер), затем основная часть из подобных триад строф (в ней участники рассказывали о своих ходах, а арбитр объяснял вводимые им правила матча), наконец, последней строфой победителя Кастельви объявлял оппоненту мат.

Начиная с четвертой строфы (т.е. первой строфы основной части) каждое девятистишие предварялось ремаркой с его кратким содержанием.

Нельзя не признать, что сумма этих обязательных к учету правил крайне усложняла ремесленную задачу версификаторов, даже в сравнении со строфическими экспериментами изошренных в поэтических сложностях трубадуров. Но не менее сложной оказалась и техническая сторона разыгрываемой шахматной партии. Здесь нужно заметить, что средневековые достаточно творчески относились к правилам этой игры. Однако изменения, которые произошли в этой конкретной партии, оказались качественным изменением всей игры, придавшим ей очень близкий к современному вид [3, р. 100].

Фенольяр по ходу матча сообщил игрокам несколько необычных правил: так, нельзя было получить нового ферзя, доведя пешку до конца поля, нельзя было ферзям атаковать друг друга и т.д. Главным было вот какое новшество: прежний ферзь (валенсийцы называли его Королевой или Дамой) ходил только на одну клетку по диагонали, т.е. фактически оказывался самой слабой фигурой на доске, не считая пешек; а в этой игре участники, по-видимому, решили сделать ферзя самой сильной фигурой.

Уже в первой строфе вступительной триады Кастельви пишет о *“joch de scachs, ab nou exemple”* — «шахматной игре на новый лад» (стих 3), а также уточняет, что в игре будет присутствовать *“Reyna ’b gran potencia”* — «великой мощи Королева» (стих 5). Эта новообретенная ферзем великая мощь заключалась в том, что эта фигура теперь могла двигаться как по диагонали, так и по горизонтали / вертикали, притом на сколько угодно свободных клеток вперед, не перескакивая через фигуры. Практически так ходит современный ферзь — и *“Scachs d’Amor”* оказалась поэмой, которая впервые зафиксировала это революционное изменение. А сама мысль о подобном изменении, вероятно, была навеяна трем участникам, бывшим преданными подданными принца Фердинанда как наследника короны Арагона, теми смелыми действиями, которыми успела ко времени написания поэмы отличиться его двадцатитрехлетняя жена Изабелла Католическая.

Не следует полагать, что партия была первична, а стихи оказались лишь комментарием к ней. Сегодня критика признает формальное совершенство поэмы, а историки шахмат отмечают, что можно было бы в этой партии сыграть эффектнее и мат поставить не на 21-м ходу, а раньше. Однако, во-первых, поставленный мат очень красив

и редок (в эндшпиле ферзь поставил мат, заняв именно то место, на котором находился ферзь оппонента в дебюте: «Мат Дамой в доме другой Дамы», как сообщала ремарка перед финальной строфой), во-вторых, партия тоже не была вторична по отношению к поэтическому тексту, но ход аллегорической битвы фигур Марса и Венеры и ход партии нужно было как-то увязывать, отсюда и некоторая «пробуксовка» с объявлением мата. Наш взгляд на взаимосвязь данного поэтического матча с шахматным матчем можно было бы выразить так: *риторическая насыщенность поэтического языка не позволяет речи участников игрового действия развиваться с той скоростью, которая требуется от мысли шахматиста во время партии*. И это кажется не недостатком поэмы, а напротив — достоинством.

Нашей задачей явится описание этого языка (неоднородного по причине тройственного авторства памятника) со стороны фразеологии, с тем чтобы представить *языковые профили* участников поэтической игры, т.е. их тематико-стилистические тяготения, сказавшиеся на словоупотреблении и идиоматике. Отчасти подобную задачу пытались решить в своих работах Джемма Боада-и-Перес и Шавьер Серрано Аспа. Так, анализируя метафорический строй памятника, они определили ряд важных сквозных тем, образовавших семантические поля, среди которых: Битва, Любовь, моральные Советы (по поводу Битвы, Любви и Поведения), Природа (в виде Погоды, Животных, Растений и Элементов), далее Королевская власть, Общественное устройство и проч. (см. их таблицы [4, р. 35–36]). Наш интерес шире — не только к метафорам, но вообще к тропам, а также сравнениям, эпитетам и лексико-синтаксическим конструктам в виде предложений. Потому что при единстве темы поэмы, при единстве знаний шахматной игры различались социальные роли участников, следовательно, картина мира и жизненный опыт каждого из них. Перед тем как увидеть, как это все прослеживается в языке, обратимся к основным фактам биографии каждого поэта-участника.

Франси, или Франсеск, де Кастельви-и-Вик (? , Валенсия — 1506, Валенсия) был бароном, род которого жил в Валенсии, владея землями во-круг селения Бенимуслем к югу от города. Отец его был дворянином, а вот мать была *conversa* ‘новообращенная’, т.е. из еврейской семьи [5, р. 374]. Последнее обстоятельство, впрочем, не мешало его карьере. Еще с 1464 г. он был стольничим при принце Фердинанде, а год спустя после *“Scachs d’Amor”* был повышен до дворецкого Замка

Валенсии. В последние годы XV в. занимал должность городского советника. Сохранилось малое число его поэтических сочинений, и среди них, кроме «Шахмат любви», два стихотворения для состязания 1474 г. — одно на валенсийском, другое на кастильском языке (вероятно, поэт-придворный осознавал, что теперь на службе не только у правителя Арагона, но и у королевы Кастилии). Валенсийское стихотворение, славившее Борогодицу, отличалось изысканной звуковой игрой, особенно заметной в четных строках; те были построены на дважды повторяющихся на концах строк каждой из них рядах диссонансных рифм: во второй *rama-remata-rama-roma*, в четвертой — *mana-mena-mina-mona*, а в шестой — *ara-era-ura/ira-ora*. Этот интерес к техническим сложностям версификации объясняет участие Франси де Кастельви в создании «Шахмат любви».

Нарсис Виньолес (между 1442 и 1447, Валенсия — 1517, Валенсия), также шахматист и плодовитый поэт, был выходцем из среднего сословия, активно пробивавшем себе дорогу в высшие сферы. К моменту создания “Scachs d’Amor” он уже побывал на посту администратора городского Рыбного рынка и с 1468 г. исполнял обязанности бухгалтера Женералитета (городского правительства). Его второй женой после смерти первой стала племянница Луиса де Сантанхеля, Брианда. Луис де Сантанхель был богатейшим финансистом города, его род был еврейским и подвергался преследованиям со стороны испанской инквизиции. Луису де Сантанхелю удалось стать королевским казначеем и впоследствии любимым советником Фердинанда II. Именно он убедил Изабеллу и Фердинанда в целесообразности колумбовой экспедиции, которую впоследствии щедро профинансировал из собственных средств. Верная служба Католическим монархам Испании была вознаграждена документом от короля, согласно которому инквизиция не могла более досаждать как ему лично, так и его детям и внукам. К сожалению, действие документа не распространялось на племянницу, которая, как и дядя, но в отличие от других представителей большого рода, была новообращенной. Виньолесу, по-видимому, приходилось прилагать массу усилий, чтобы службой на благо монарха оградить супругу от инквизиции. Судя по всему, служил он отлично, потому что в течение последней четверти века сам король дважды назначал его на должность городского Верховного судьи по гражданским делам, а потом и Верховного судьи по делам уголовным. К рубежу веков Виньолес был таким же членом городского совета, как и дворянин Кастельви.

В литературе Нарсис Виньолес был плодовит. Он регулярно участвовал в коллективных поэтических действиях местного кружка, и сохранилось несколько десятков принадлежащих его перу стихотворений. Их отличает достаточно живой язык, тяготение к морализаторству и — ритмам итальянской поэзии (вообще, любовь к Италии была семейной: в Неаполе поселился брат поэта, нотариус [6, р. 480]). Увлечение итальянскими авторами отразилось и в том, что в 1510 г. он перевел известный трактат Джакомо Филиппо Форести “*Supplementum Chronicarum Orbis, ab initio mundi ad annum 1482*” («Прибавление ко всемирной хронике от сотворения мира до 1482 г.») — с латыни, но не на валенсийский, а на кастильский. Еще несколькими годами ранее он успел публично заявить, что родной валенсийский язык относится «к тем варварским и диким <наречиям>, кои существуют у нас в Испании», а кастильский, напротив, является «благозвучной и элегантнейшей латынью» [7, р. 22].

Бернат Фенольяр (1438, Пенагила — 1516, Валенсия) принадлежал к известной, хоть и не аристократической, семье: его отец был нотариусом и главой администрации небольшого городка [8, р. 63]. Там прошло детство поэта. Потом он оказался в Валенсии и служил священником в местном кафедральном соборе, был бенефицием, организатором нескольких благотворительных обществ, руководителем хора певчих, позднее — секретарем короля Фердинанда, а с 1510 г. и профессором математики в недавно открытом Университете Валенсии. Активный организатор и участник разных поэтических конкурсов, он имел авторитет в культурном сообществе пишущих на валенсийском и каталанском языках. Так, долгое время считали, что ему принадлежат 173 языковых правила, составивших первую часть справочника “*Regles d’esquivar vocables o mots grossers o pagesívols*” («Правила уклонения от грубых или крестьянских слов»), созданного в конце XV в. барселонским архивариусом Пере Микелем Карбонелем [9, р. 41–42]. Сохранилось несколько десятков его стихотворных сочинений, среди которых выделяются как упомянутые выше совместные труды, так и “*Història de la passió de N.S. Jesu Christi en cobles*” («История крестовых мук Спасителя нашего Иисуса Христа в строках») 1493 г.

Итак, в создании «Шахмат любви» участвовали дворянин, предприимчивый бухгалтер из среднего сословия и священник. Высказываясь на избранную ими тему, одетую в одежды многослойной аллегории, они должны были привлекать

для ее раскрытия свой лексический и фразеологический словарь, отражающий индивидуальную картину мира, собственный угол зрения на него. Отчасти картина мира каждого из двух игроков, Кастельви и Виньолеса, приоткрывается на первой странице рукописи, где присутствуют два столбца. Собираясь сражаться под сюжетными масками Марса и Венеры и руководить войсками, которыми явятся шахматные фигуры, игроки должны были придумать для этих фигур символическое значение. Фигурами у каждого были: Король, Королева (именуемая *Reyna* или *Dama*), «епископы» (слоны), «рыцари» (кони), «башни» (ладьи) и пешки. Марс, который затевал битву во имя Любви, выбрал, в соответствии с указанным рядом фигур, следующие значения: Разум, Воля, Мысли, Хвалы, Желания и Услуги. Сказался выбор просвещенного дворянина. Венера (Виньолес), которая собиралась защищать Славу, выбрала: Честь, Красота, Томные взгляды, Презрение, Сдержанность, Любезности [10, р. 272]. А в этом выборе, как видим, нет ничего классового, кроме взгляда валенсийца, устанавливающего рамки допустимого поведения женщины в приличном обществе. Единственное, что не пришлось выбирать игрокам, — цвета фигур: Кастельви-Марс играл красными, Виньолес-Венера — зелеными (таковы были цвета, до поры остававшиеся в наследство от персидского предка шахмат — игры *шатрандж*).

Теперь наконец обратимся к тем лексико-фразеологическим средствам, которые в “*Scachs d’Amor*” применили игроки и арбитр. Мы сочли удобным изначально выделить больше тематических позиций для достижения точности сопоставлений словарей участников, чем те упомянутые выше, которые использовали Боада-и-Перес и Серрано Аспа.

Король и его жизнь. 1) Кастельви. 1. Стих 412: *prenga d’ell la vida per pontagie* ‘взять его жизнь в качестве налога’. 2) Виньолес. — 3) Фенольяр. 1. Ст. 128–129: *los Reys <...> sens fer pus desmesura* ‘Короли <...> не творя беззаконье’. 2. Ст. 154–155: *Perque los Reys, ab poder invensible, mes de raho no puguan mans estendre* ‘Чтобы короли не могли распространить непобедимую силу своих рук сверх разумного’. 3. Ст. 158–162: *mostrant al mon que ’n punir o rependre deuen merçe masclar ab l’irascible, y no fer tant quant basten a comprendre; car, si son grans ab ales de potencia, majors seran, usant de gran clemencia* ‘показывая миру, что наказание и исправление должны умерять их гнев добротой и не достигать допустимого предела их силы, потому что, если они велики своими крыльями могущества, более

<великими> они будут, используя милосердие’. 4. Ст. 237–239: *si contr’aquell se feya ’lgun empastre, o si’l perill de l’enemich l’asesta, avisau lo, que no’l fra ballesta* ‘Если против него готовится какой-нибудь заговор или неприятель направит на него свое оружие, предупреди его, чтобы в него не попали из арбалета’. 5. Ст. 241: *real sobrevesta* ‘королевская мантия’. 6. Ст. 242–243: *Lo nom de Rey als enemichs aterra: dels seus los bons deffen, y’ls mals desterra* ‘имя Короля наводит ужас на вражеский лагерь; он защищает верноподданных и карает злодеев’. 7. Ст. 377: *Acte’s servil, no de reals petjades* ‘рабский поступок, не достойный королевской чести’. 8. Ст. 425: *sos vassalls haura tan mal defesos* ‘его вассалы плохо его защищали’. 9. Ст. 431–432: *Al Rey y als seus deu tostemps la fortuna, en mal y be, a tots esser comuna* ‘Короля и всех его подданных всегда должна объединять общая судьба, несчастливая она или счастливая’. 10. Ст. 455: *dara son cors per paga* ‘отдаст свое тело в качестве трофея’ (о ситуации гибели Короля в реальном сражении). 11. Ст. 480: *lo pom, lo ceptre la cadira* ‘меч, скипетр и трон’.

Высшее общество (придворные, рыцари) и его быт и обычаи. 1) Кастельви. 1. Ст. 82–83: *desigiosa de plaure, en quant pogues a la Dama eleta* ‘стремясь угодить, насколько это возможно, избранной Даме’. 2. Ст. 144: *dolç so de la Llahor composta* ‘сладкий звук сочиненной Хвалы’. 3. Ст. 220: *d’un Cortesa que desdenyar intempte* ‘с Придворной, которую пытается презирать’. 4. Ст. 355: *no restar desfavorits* ‘не остаться в опале’. 5. Ст. 358: *de la lum d’amor son canalobres* ‘они канделябры с любовным светом’. 6. Ст. 359–360: *Qui vol cuytar, avolatat, la cassa, o res no pren, o cau, o s’enbarassa* ‘кто нетерпелив на охоте, или будет без добычи, или упадет, или застрянет’. 7. Ст. 409: *gracios patge* ‘прекрасный паж’. 2) Виньолес. 1. Ст. 18: *armats, guarnits de mil parençaryas* ‘вооруженные и разодетые напоказ’. 2. Ст. 124: *Defensio d’onor* ‘защита чести’. 3. Ст. 393: *lo Cortes Estil* ‘придворный стиль’. 4. Ст. 395–396: *En joch estret, la cortesia cessa la gravitat y pompa, en la pressa* ‘При неудачных обстоятельствах куртуазность поспешно теряет солидность и величие’. 5. Ст. 447–448: *Bellea gran, seny[i]nt se de tal cinta, que puga star segura’n la reguarde* ‘Великая Красавица, опоясавшись таким поясом, защитит свою репутацию’ (в начале XV в. Конрад Кайзер фон Айхштетт, автор книги “*Bellifortis*”, «Военные укрепления», впервые упомянул в ней о «поясах верности», которым пользовались дамы во Флоренции, и Виньоль, не обязательно читавший этот латинский трактат о военных орудиях, мог знать факты из интересующей его тосканской жизни). 3) Фенольяр. 1. Ст. 323–324: *Lo capella no*

deu voler la pompa, ni •l cavaller res que honor corrompa 'Священник должен избегать всякой помпы, и то же Рыцарь должен делать со всем, что идет против его чести'. 2. Ст. 350: *Los cavallers per la honor s'aturen* 'рыцарей сдерживает честь'.

Ученость, образованность. 1) Кастельви. 1. Ст. 7: *dolça eloqüència* 'сладкая элоквенция'. 2. Ст. 85: *lengua molt perfeta* 'изысканный язык'. 3. Ст. 140: *Dolç Parlar* 'сладкая речь'. 4. Ст. 437: *dexant lo test y fundant se 'n la glosa* 'оставить текст и опереться на глоссы'. 5. Ст. 547: *episticle* 'послание'. 6. Ст. 576: *e qui l'enten, enten l'Apocalipsi* 'и кто это понимает, тот понимает Апокалипсис'. 2) Виньолес. 1. Ст. 13: *vista delitosa* 'восхитительное созерцание'. 3) Фенольяр. —

Среднее сословие: ремесленники, лекари и проч. 1) Кастельви. 1. Ст. 356: *los mestres y manobres* 'мастера и подмастерья'. 2. Ст. 518–519: *destilla liquor* 'источает бальзам'. 2) Виньолес. 1. Ст. 313: *y del suc dolç fa hun suau colliri* 'и из такого сладкого зелья он делает мягкую мазь'. 2. Ст. 476: *de virtuts esmaltar se* 'глазировать себя добродетелями'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 510–511: *que •l dyament en For pus fi s'encasta, y en hun encast relluu ab gran claricia* 'чтобы бриллиант был оправлен в лучшее золото и в такой оправе сиял большей чистотой'.

Низшие слои. 1) Кастельви. — 2) Виньолес. — 3) Фенольяр. 1. Ст. 351: *mas los vilans per força s'aseguren* 'но вилланов остановит только сила'. 2. Ст. 507: *de baixa sanch y de vilana pasta* 'из людей низкой крови и вилланов'.

Внеклассовая жизнь: знакомые всем сословиям ситуации. 1) Кастельви. 1. Ст. 197–198: *ab que naveguen los marines que 'n esta mar se neguen* 'по которым ориентируются мореплаватели, потерпевшие кораблекрушение в таких морях'. 2. Ст. 329: *anar a l'orça* 'плывущая против ветра' (о лодке или судне). 2) Виньолес. 1. Ст. 415: *la bossa flacha* 'тощий кошелек'. 2. Ст. 420: *per fer castell de sa xica barracha* 'сделать замок из своей лачуги'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 183–184: *mas, per camins segurs de sobreventa, vagen tostemps on lladres may asalten* 'но всегда будут готовы к неожиданностям на дорогах, где не бывает нападений грабителей'.

Обобщения и отвлеченные понятия. 1) Кастельви. 1. Ст. 386: *De tot se deu aydar lo qui vol cloure* 'Кто жаждет обладать, должен использовать все'. 2. Ст. 413: *Humilitat aleuja, purga y placa* 'Смирение облегчает, очищает и успокаивает'. 2) Виньолес. 1. Ст. 206–207: *Discrecio cortesament ordena quant lo voler follament desordena* 'Благоразумие учтиво распутывает то, что глупо запутывает желание'. 2. Ст. 233–234: *seguex desastre al qui*

be sab d'aquell trobar lo rastre 'катастрофа никогда не следует за тем, кто ее предчувствует'. 3. Ст. 253: *Vergonya •s l'or on Bellea s'encasta* 'Стыд — это золото, на котором восседает Красота'. 4. Ст. 288: *Be sab que fa lo qui sa casa crema* 'Узнает, что сделал, тот, кто поджигает свой дом'. 5. Ст. 315: *tant val mes, quant mes nos costa cara* 'вещи тем ценнее, чем дороже они нам обходятся'. 6. Ст. 368–369: *Qui sa lo dit se lliga, puix mal no te, sanament lo deslliga* 'Кто здоровый палец завязал, не будучи больным, здоровым его и развяжет'. 7. Ст. 422: *Qui pren, cove que 'n lo tornar ell pense* 'Кто взял, тот думай о возврате'. 8. Ст. 530–531: *Honor viu tant quant Voluntat comporta; de bens y mals sols ella es la porta* 'Честь проживет столько, сколько позволит Воля, та — единственная дверь к добру и злу'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 269–270: *Tots som eguals, en mort y en naxença: per ço equal deu esser la temença* 'Мы все равны и в смерти, и в рождение, и так же должны быть равны наши страхи'. 2. Ст. 404–405: *La dignitat a l'anima 's unida, e la honor viu molt mes que la vida* 'Достоинство с душой едино — и честь продлится дольше жизни'. 3. Ст. 566–567: *Vergonya y por virtut son en la dama; en l'om empaixs, contraris a gran fama* 'Стыд и страх — добродетели дамы, внутри у мужа они противны доброй славе'.

Природа: общие понятия. 1) Кастельви. — 2) Виньолес. — 3) Фенольяр. 1. Ст. 21: *Temps, partit per nits y dies* 'Время, поделенное на ночи и дни'.

Природа: небесные явления и первоэлементы. 1) Кастельви. 1. Ст. 575: *En lluna sta lo punt d'aquest eclipsi* 'Луна находится в точке этого затмения'. 2) Виньолес. 1. Ст. 125–126: *Tostemps lo foch crema per sa natura, mas l'aygua •l fa dançar a sa mesura* 'Огонь по своей природе всегда обжигает: но вода заставляет вас держать себя в определенных рамках'. 3) Фенольяр. —

Природа: погода. 1) Кастельви. 1. Ст. 387: *tronar, lampar y ploure* 'гром, молния и дождь'. 2) Виньолес. 1. Ст. 98–99: *Per que quant plou, qui •s cobre de la fulla, cren ser exut, dos vegades se mulla* 'кто прячется под дерево от дождя, чтобы остаться сухим, тот вдвойне промокает'. 2. Ст. 418: *l'apetit, qu'es sech y vol la pluja* 'аппетит, который пересох и жаждет дождя'. 3) Фенольяр. —

Природа: флора. 1) Кастельви. — 2) Виньолес. 1. Ст. 308: *refragant com lo lli* 'благоухающая, как лилия'. 3) Фенольяр. —

Природа: фауна. 1) Кастельви. 1. Ст. 301: *en lo vert prat morir vol com lo signe* 'на зеленом поле умереть лебедем' (аллюзия на цвет фигур Виньоля). 2. Ст. 304: *el Cavall es fet anyell benigne* 'Конь превратился в кроткого ягненка'. 2) Виньолес.

1. Ст. 69: *mirant se 'ntorn, com fa lo camp la grua* 'оглядываясь, словно журавль, осматривающий поле'. 2. Ст. 260–261: *Be sta la por a l'oçell qu'es en vela, puix que •l defen de caere dins la tela* 'Страх хорошо служит летящей птице, так как спасает ее от попадания в силки'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 267–268: *que •l gran leo vengut de la mustela vem cascun jorn, si be vist real toga* 'что льва, даже одетого в королевскую мантию, побеждает ласка'. 2. Ст. 378: *a moltons jugar Reys a toçades* 'Короли как бараны, сцепившиеся рогами'.

Еда. 1) Кастельви. — 2) Виньолес. 1. Ст. 145–146: *Amarch convit cubert de dolça crosta, es lo Leguot* 'Горьким блюдом, покрытым сладкой корочкой, является Лесть'. 3) Фенольяр. —

Любовь как таковая. 1) Кастельви. 1. Ст. 222: *de qui la te en foch d'amor ja cuyta* 'того, кто пылал огнем любви'. 2. Ст. 521–522: *Amor es un que per los hulls s'enllaça, mas, si s'estreny, la par[t] u •l tot man[a] ça* 'Любовь проникает в глаза, но если дальше — всему телу пропасть'. 2) Виньолес. 1. Ст. 95: *passio l'inflama* 'воспламенен страстью'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 104: *Car la Voluntat tal foch d'amor abrassa* 'ибо таков огонь любви, сжигающий Волю'. 2. Ст. 106: *senyora es que tots los senys arrasa* 'дама — это та, от которой все чувства в смятении'.

Любовь как битва. 1) Кастельви. — 2) Виньолес. 1. Ст. 44: *gest humil per sa defensa* 'скромный жест защиты'. 2. Ст. 45: *lo cor feri d'amorosa scomesa* 'была ранена в сердце любовным порывом'. 3. Ст. 281: *guarda u deffen* 'охраняя и защищая'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 50–52: *car pensa 'namorada, havent elet, liberta ni sospesa restar no deu, mes del tot subjugada* 'замыслы влюбленного, единожды возникшие, должны не держать в нерешительности, а полностью подчинять'. 2. Ст. 107: *sens lo grat, voler may se conquista* 'несмотря на чувство, ты никогда не покоришь <любовь>'.

Игра как битва. 1) Кастельви. 1. Ст. 333: *qui forçat lo vol guanyar, no •l guanya* 'кто силится победить, не победит'. 2) Виньолес. 1. Ст. 38: *vert bandera de speranza* 'зеленый флаг Надежды' (аллюзия на цвет его фигур). 2. Ст. 70: *mata •l Peo* 'она убивает Пехотинца' (пешку). 3. Ст. 341–342: *Quant l'anemich fengex que s'abandona, fugiu tambe, que l'art ab l'art se dona* 'Когда враг имитирует бегство, бегите тоже, ибо искусность искусностью одолевается'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 101: *son castell o conquistada casa* 'свой замок или завоеванный дом' (о своем лагере фигур и занятой чужой клетке). 2. Ст. 316: *раста* 'перемирие' (подразумевается ничья).

Битва как таковая. 1) Кастельви. 1. Ст. 9: *pugnant per la victoria* 'сражаются до победного конца'.

2. Ст. 28: *Lo camp partit y tota la gent presta* 'выбрано место для военного стана, и все мужи выстроены'. 3. Ст. 29: *lo gran guerrier, ab la 'nsenya vermella* 'великий воитель со своим красным штандартом' (о цвете фигур, которыми сам играет). 4. Ст. 33: *lo pus valent Peo de la conquesta* 'храбрейший Пехотинец в завоевательном походе'. 5. Ст. 115: *espia 'nyava* 'подослал шпиона'. 6. Ст. 164: *que sots Raho milita* 'которое воюет под водительством Разума'. 7. Ст. 248: *per conquistar, ab sa gent pus unida* 'чтобы завоевать, собирая их народы'. 8. Ст. 251–252: *Qui en l'asalt als primes no contrasta, sy als darrers vol contrastar, no y basta* 'Кто не контратаковал при первой возможности, потерпит поражение, когда контратакует позднее'. 9. Ст. 274–276: *entra en la pelea, rompent aquell Pavés de qua s'arrea Temor de fer desonesta fallença* 'вступает в бой, уничтожая тот Щит, за которым прячется Страх обещивающего поражения'. 10. Ст. 327: *ab crits, ab so de animosa trompa* 'с криками, со звуками доблестной трубы'. 11. Ст. 328: *crexent en ells l'ardiment y la força* 'увеличивавшими в них отвагу и силу'. 2) Виньолес. 1. Ст. 39–40: *Gloria, gloria cobre la mia gent ab benaventurança!* 'Слава, слава покрывает моих воинов благословением!'. 2. Ст. 72: *perque la fi del que fa no •l reprenga* 'чтобы не быть убитым тем, кого сам преследовал'. 3. Ст. 121: *per a tallar del Pensament la mina* 'чтобы противодействовать продвижению Мысли'. 4. Ст. 254: *l'atallaya* 'сторожевая башня'. 5. Ст. 259: *dexant entrar Legots dyntra la naya* 'позволить Лести вторгнуться в бреши'. 6. Ст. 363: *voler morir en plaça* 'найти смерть на поле боя'. 7. Ст. 390–391: *deslibera encloure, Desdenyant molt l'intent de l'adversari* 'решил укрепиться, наперекор намерениям врага'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 81: *es molt degut catiu que •l vejам caure* 'закономерно, что его берут в плен'. 2. Ст. 103: *ans den morir tenint en ta l'espasa* 'иначе он должен погибнуть от обнаженного меча'. 3. Ст. 215–216: *Car molt mes val una discreta fuyta que caure pres per destemprada cuyta* 'Поскольку осторожно отступать лучше, чем попасть в плен из-за неуместной спешки'. 4. Ст. 458–459: *que 'n los perills de la batalla 'marga mes defen l'ull que no cobre l'adarga* 'Поскольку в опасностях жестокой битвы глаз спасет больше, чем прикроет щит'.

Эти наблюдения над употреблением фраз и отдельных лексических элементов из разряда тропов и пассивного словаря наглядно демонстрируют степень востребованности конкретных смысловых мотивов и предметных тем для текста «Шахмат любви». Мы расположим общее количество образцов слов и выражений по каждому вышеприведенному разделу в порядке убывания: битва как таковая — 22, высшее общество и его быт и обычаи — 14, обобщения и отвлеченные

понятия — 13, королевская жизнь — 11, ученость — 7, игра как битва — 6, фауна — 6, среднее сословие — 5, внеклассовая жизнь — 5, любовь как таковая — 5, любовь как битва — 5, погода — 3, низшие слои — 2, небесные явления и первоэлементы — 2, связанные с природой общие понятия — 1, флора — 1, еда — 1. При этом вклад участников в словесное оформление образной системы памятника также оказывается возможным вычислить: Франси де Кастельви — 41, Нарсис Виньолес — 37, Бернат Фенольяр — 33. Кажется, Кастельви, выигравший шахматную партию, выиграл и в частоте использования образных средств поэтической речи.

Но важно не это. В результате мы можем увидеть фразеологический профиль каждого участника художественной игры и почувствовать, *чем живет* поэт. Так, Кастельви, чаще изображавший битву как таковую, явно формировал в своем сознании (а потому и в своих строфах перед читателем) детализованный образ типичного сражения, каким оно виделось участвовавшим в нем дворянам: устройство военного стана, отправка разведчиков к стану вражескому, ряды воинов с полководцем во главе, королевский штандарт над головами и зовущий в бой сигнал трубы, к которому присоединяются тысячи криков воинов, наконец, прямое боестолкновение, лязг мечей о щиты... На фоне такого развернутого образа битвы заметно, что Виньолес описывает военные действия с точки зрения горожанина: он видит сторожевые башни, которые возвышаются над воротами города (двое таких ворот сохранились рядом с кварталами Старого города и в современной Валенсии), он представляет себе брешь в городских стенах, проламываемые осаждающими, а в остальном — он плоско описывает самые базовые вещи, касающиеся сражения (не конкретизированную гибель на поле боя, например). Что касается Фенольяра, то в его строфах прослеживаются мотивы, сразу выдающие в нем человека сугубо гражданского, видящего в сражении только опасность смерти и плена, не воспламененного отвагой воина, а труса, ищущего пути к отступлению и поспешному бегству.

Два игрока, Кастельви и Виньолес, хотя и нацелены в жизни на карьеру при местной резиденции Фердинанда, практически не пишут о короле нешахматном, а Фенольяр, напротив, в рамках этой темы многословен, но его видение реальной фигуры короля как раз к реальности не имеет отношения: он явно занят идеализацией короля как социальной роли, в его фантазиях король и народ живут одной жизнью и заботятся друг о друге.

Тем удивительнее, что по отношению к низшим слоям общества поэт-священник в этой же поэме демонстрирует презрение (остальные о простолюдинах не упоминают вообще). Интересно и то, что он в своих строфах не выразил интереса к дворянам, в дома которых он в силу сана был вхож, и к ученой прослойке (а ведь он, судя по всему, в большей степени ученый из троих авторов поэмы, да еще и просветитель, явившийся одним из организаторов печатного дела в Испании).

Виньолес смотрит на жизнь дворян со стороны и, кажется, описывает их с нотками сарказма, показывая лошеными, но легко теряющими свой лоск в непростых обстоятельствах. Кастельви как дворянин при дворе воплощает перед читателями соответствующий образ жизни: жизнь придворная — это стремление не оказаться в опале, возможно, интриги по отношению к себе подобным, лесть и угождение дамам, в целом галантный стиль общения, прежде всего с точки зрения риторики, а еще придворные развлечения, вроде охоты. Попутно заметим, что Валенсия — город приморский (и Арагон в то время владел Сицилией, морское сообщение с которой было регулярным), но Кастельви единственный из всех, кто вспоминает о мореплавании, очевидно, имевшем какую-то значимость для местных дворян.

Не забудем и о том, сколько тематических категорий представляют высказывания каждого из участников: Кастельви — 12, Виньолес — 14, Фенольяр — 12. Строфы Виньолеса не только отличаются большим разнообразием тем и мотивов. Он на уровне лексики показывает большее тяготение к метафорам и сравнениям, чем остальные, а на уровне фразеологии — к превращению замыкающих строфы фраз в морализаторские сентенции. Может быть, он как поэт более чувствителен к композиционным особенностям строфы выбранного всеми типа — той строфы, которая отчасти похожа на октаву: как и в октаве, здесь рифмы последних двух строк противостоят всем концевым рифмам прочих стихов строфы — и эта особенность провоцирует развести финальное двустушие и предшествующие стихи по тематике или по тону речи. В строфах октав финальные двустушия нередко заполнялись емкими афористическими фразами, вот и стилистика Виньолеса такова, что его частые финальные сентенции претендуют на статус афоризмов (один из приведенных выше можно было бы перевести так: «Страх служит хорошо летящей птице / И не дает в силках ей очутиться»). Из заключающих строфы двустуший у остальных поэтов, пожалуй, двустушия Кастельви показывают такое же тяготение

к афористичным сентенциям, однако градус его морализаторства заметно ниже.

На фоне всего вышесказанного речь Фенольера выглядит менее интересной, однако следует учесть, что у него была особая задача — формулировать правила этой игры, зачастую новые. И такая задача могла влиять на степень насыщения текста тропами, пассивной лексикой и фразами с отвлеченным значением. Так или иначе, три поэта-шахматиста с разными речевыми манерами сложили единый текст, о котором если, допустим, невозможно сказать, что он удачно в форме шахматной и одновременно любовной аллегории описывает величие Изабеллы Католической (а речь о величии идет, недаром Фенольер в стихах 532–533 заявил: “*tot lo poder transporta dels Reys amant[s] a les Reynes amades*” ‘вся власть любящих Королей передается возлюбленным Королевам’), то нельзя не заметить, что он в лексико-фразеологическом плане очень отчетливо показывает нам те *речевые профили* трех стихотворцев, за каждым из которых стоит особенная картина мира, по крайней мере, ее социокультурный аспект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Witten L.* The Earliest Books Printed in Spain. The Papers of the Bibliographical Society of America. 1959. Vol. 53. No. 2. P. 91–113.
2. *Riquer M. de.* Historia de la Literatura Catalana. Vol. IV. Barcelona: Editorial Ariel, 1980. (In Spanish)
3. *Garzón J.A.* El acta de nacimiento del ajedrez moderno: el poema “Scachs d’amor”. Pasiones bibliográficas V. Valencia: Societat Bibliogràfica Valenciana Jerònima Galés, 2021. P. 97–112. (In Spanish)
4. *Boada i Pérez G., Serrano Aspa X.* Anàlisi metafòrica del poema “Scachs d’Amor”. Actas del XXVI Congreso Internacional de Lingüística y de Filología Románicas. T. VI. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013. P. 31–37. (In Spanish)
5. *Cazaux J.-L., Knowlton R.* A World of Chess: Its Development and Variations through Centuries and Civilizations. Jefferson: McFarland & Company, 2017.
6. *Ferrando i Francés A.* Noves aportacions a Narcís Vinyoles. Edició de lo “Credo in Deum” aplicat per sos articles a la Mare de Déu d’Esperança y los goigs. Estudios sobre el Cancionero General (Valencia, 1511): poesía, manuscrito e imprenta. Valencia: Universitat de València, 2012. P. 479–506. (In Spanish)
7. *Cocozzella P.* Fra Francesc Moner’s Bilingual Poetics of Love and Reason: The “Wisdom Text” by a Catalan Writer of the Early Renaissance. Currents in Comparative Romance Languages and Literatures. Vol. 173. N.Y.: Peter Lang, 2010.
8. *Aparisi Romero F.* Noves consideracions al voltant de Bernat Fenollar, domer de la Seu de València. Scripta: Revista internacional de literatura i cultura medieval i moderna. 2021. Vol. 17. P. 62–85. (In Spanish)
9. *Garcia Sempere M.* Lo passi en cobles (1493): estudi i edició. Alacant & Barcelona: Publicacions de L’Abadia de Monserrat, 2002. (In Spanish)
10. *Aumüller M.* Entre la història dels escacs i els estudis literaris: el poema al·legòric Scachs d’Amor (vers el 1475). Zeitschrift für Katalanistik. 2022. Issue 35. P. 269–310. (In Catalan)

Дата поступления материала в редакцию: 9 августа 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 января 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on August 9, 2023
Revised on January 14, 2024
Accepted on April 15, 2024
Date of publication: June 30, 2024